

Провиденциальное истолкование европейской истории и посыл к возобновлению завета (комментарии к книге Лиона Черняка и Митчела Роклина «Завет и метафизика»)

Розин В.М.,
д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждаются методология и основоположения, которые авторы использовали в своей книге. Речь идет о понимании Л. Черняком и М. Роклиным сакрального опыта, европейской истории, причин отпадения европейского человека от завета и Бога, сведения истории и жизни к уму, а человека как такового — к иудею. Разбираются аргументы, приводимые авторами, разводятся два способа понимания иудейского мировоззрения (в одном случае как основоположений общей авраамической религии, в другом, реализованном в книге «Завет и метафизика», как следование конкретному Слову, описанному в Танахе). Кроме того, Черняк и Роклин размышляют в русле вполне определенной традиции Слова, а именно — интеллектуальной, предполагающей разнообразные, в том числе философско-богословские истолкования и комментарии. Разбираются как противоречия и проблемы, возникающие при чтении и понимании «Завета и метафизики», так и сложная экзистенциальная ситуация современности, заставляющая искать решение рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: ум, Бог, человек, истолкование, понимание, проблемы, история

Книга вышла в 2024 году, а в следующем состоялось ее обсуждение в Институте философии РАН. Меня это произведение тоже заинтересовало, поскольку авторы рассматривают ряд важных тем (проблем): понимание европейской истории и жизни, представление о сакральном опыте, по сути, намечают свой вариант «Спасения», намекая, что он предполагает обновление и принятие разумным человечеством очередного Нового завета. Интересно мне было также посмотреть, смогут ли два верующих иудея предложить убедительную философскую интерпретацию истории европейской культуры, реконструкции которой я сам посвятил немало времени.

«Эта книга, — начинают свое произведение авторы, — написана двумя религиозными иудеями, русским философом Лионом Черняком и американским ортодоксальным рабби Митчелом Роклиным. Обсуждение в книге прямо касается религии иудаизма... в то же время... предлагаемая книга — принципиально философская, и только философская... Истинная тема книги — философский смысл вопроса „Что есть человек?“... И это в том

смысле, в котором таковую конституцию представляет хайдеггеровское понятие Dasein. Отличие от Хайдеггера заключается в том, что в данной книге одной из фундаментальных и неизбытвных составляющих этой конституции предстает сакральный опыт, наряду, разумеется, с опытом, который для краткости назовем здесь профанным¹. Любопытно, иудаизм и Хайдеггер, завет и Dasein! Сопрягаются ли эти вещи, и если да, то каким образом?

Читая подобные книги, я пришел к выводу, что для правильного (адекватного) понимания их необходима методологическая реконструкция, которая впервые позволяет понять, что хотели сказать их авторы. Конечно, и простое медленное прочтение книги наших авторов позволяет многое понять, но все же, если мы хотим включить их в философию модерна на правах современного дискурса и мышления (а авторы на это претендуют), то такую реконструкцию необходимо проделать.

Ключи к методологической реконструкции вышедшей книги предлагают сами Лион Черняк и Митчел Роклин. Это, во-первых, указание на сакральный опыт и редукцию истории, с одной стороны, к религиозной (возможно, только иудейской) жизни, с другой — к мышлению (мысли). «Понятие сакрального опыта, — пишут они, — здесь не выводится из метафизической конституции человека, а лежит в основании осмысления этой конституции... никакая человеческая мысль, будь она умная или неумная, культурная или бескультурная, теистическая или атеистическая, не может не опираться (осознанно или не осознанно) на сакральный опыт <...> Начавшееся очень рано в эллинской дофилософской истории осмысление этой двуединой жизненной активности человека (самообращение человеческой жизни и освоение внешнего, неосвоенного мира) повело к сближению двух понятий — жизнь и ум... Мы попытаемся показать, что рожденная в позднем модерне и все еще живая общекультурная тенденция антитетического противопоставления мысли и жизни в сущности своей ложна, и что понятия ума и жизни действительно тождественны»².

При этом сакральный опыт авторы понимают довольно необычно, а именно как «институализацию жертвоприношения». «Институализация сакрального умирания, — разъясняют Черняк и Роклин, — впервые представляет жизнь человека как феномен, т. е. представляет жизнь человека как целое... заветное осмысление отношения человека и Божества открывает ничем не прерываемое постоянство жертвенного статуса человека. Таково метафизическое основание религии завета, и такова выводимая нами из этого основания общая характеристика метафизической конституции человека завета как посредника (границы) между Творцом и тварью. А уже из этой общей характеристики непосредственно вытекают такие основные аспекты библейской „картины мира“, как:

- специфически библейское творение, „изоморфное“ инициации библейского завета;
- творение человека в качестве конечной цели творения;
- те обстоятельства шестидневной истории творения, которые позже, уже во времена эллинистические, позволят развиться концепции творения ex nihilo;
- центральное для библейской религии видение сакральности смертного человеческого тела и следующие из этого видения строжайшие диетические правила (кашрут);

¹ Черняк Л., Роклин М. Завет и метафизика. Иерусалим: изд. «Маханаим», 2024. С. 9–10.

² Там же. С. 10, 11, 294, 295.

— а также непосредственно следующие из этого же видения специфически библейская поэтика эроса и еврейский трайбализм»³.

Во-вторых (следующий ключ), авторы предлагают объяснение того, почему произошло отпадение европейского человека от завета и Бога. Они считают, что в ходе европейской эволюции мысль стала опираться на саму себя, потеряв поэтому сакральное измерение. «Если сакральный опыт представляет собой фундаментальную составляющую метафизической конституции любой формы смертной жизни, то и нарастающая тенденция отмирания теологической составляющей культуры Запада может быть (если может) объяснена исключительно лишь неким фундаментальным метафизическими сдвигом. Она не может быть объяснена изменением социальных или психологических обстоятельств или якобы повышенной культурной и научной просветленностью людей модерна и постмодерна... к концу книги мы обсуждаем начавшееся на границе Ренессанса и раннего модерна (при этом начавшееся отнюдь не без влияния библейской мысли в ее христианском переосмыслении) радикальное преобразование конституции опыта. А это преобразование инициировало процесс изменения конституции самого ума. Однако новый характер опыта тварного мира уже не предполагает участия Божества в конституировании этого опыта, Божество как Прообраз богоподобного человеческого ума оказывается, следовательно, не востребованным в организации этим умом своей встречи со своим миром и, соответственно, в устроении жизни человека в этом мире. Вот тогда-то и возникает подозрение, что не ум человека есть подобие божества, а божество есть создаваемое человеческим умом идеальное подобие человеческого ума»⁴.

В-третьих (еще один ключ), это призыв (идея) возвращения к Богу через принятие Нового завета (вероятно, «Постнового»). «Заключительные главы книги, — пишут Черняк и Роклин, — посвящены возвращению уму его статуса собственного модуса человеческого бытия, и тем самым — возвращению человеку его статуса определяющего феномена культуры Запада. И осуществляется эта реабилитация ума, исходя из библейского статуса человека как партнера Всевышнего по отношению завета... И именно так понятый человек есть тот вновь найденный человек, который был потерян культурой постмодерна»⁵.

Сразу возникают вопросы. Как понимать, что сакральный опыт лежит в основании всех рассуждений наших авторов, и что они в это понятие вкладывают? Почему история и жизнь сводятся к уму, к тому же, похоже, только философскому (или религиозному?), а человек как таковой — к иудею? Почему трактовка сакрального опыта и целостность человека связаны с институализацией жертвоприношения? Можно ли хотя бы в общих чертах охарактеризовать методологию реконструкции истории, которую реализовали авторы в своей книге? Например, почему, кроме Всевышнего и человека, на сцене истории никого не видно, а где природа, культура, социальность? Более того, поиск этих отсутствующих начал Черняк и Роклин рассматривают как признак гибели и смерти человека.

«Здесь и начинается, — пишут они, — характерная для философского постмодерна тенденция отрицания статуса мысли как собственного модуса человеческого бытия (собственного модуса жизни), и, соответственно, здесь и начинается поиск других, отличных

³ Черняк Л., Роклин М. Завет и метафизика. Иерусалим: изд. «Маханаим», 2024. С. 12.

⁴ Там же. С. 14–15.

⁵ Там же. С. 17.

от мысли, принципов человеческой жизни qua человеческой — воля, эрос, труд, бессознательное, язык, жизнь, место бытия и, наконец, дыра в бытии. Здесь и назревает разрыв с античностью как началом культуры Запада, разрыв с разумом как высшим принципом существования, разрыв с отождествлением жизни и ума. Здесь и начинается расхождение ума и веры. Здесь как раз и рождается главное событие постмодерна — утрата культурой постмодерна феномена человека»⁶.

Начнем с подхода и методологии. Понятно, что Черняк и Роклин рассуждают и мыслят в рамках иудейского мировоззрения и мироощущения. Но в исследовании эти представления можно использовать по-разному. В одном случае — как основоположения общей авраамической религии (Бог заключил с Авраамом завет, включающий избранность и заповедь, следовать установлениям Господа). При этом конкретное Слово (Танах, Коран, Библия) не рассматривается как научная история, а понимается, главным образом, как сакральное послание. В другом случае, который и виден (реализован) в книге «Завет и метафизика», авторы следуют конкретному слову, фактически считая, что европейская история описана в Танахе. Другими словами, с их точки зрения, знания и нарративы Танаха представляют собой исторические факты. Судя по книге, Черняк и Роклин понимают, что эти факты, чтобы применить их к последующей европейской истории (античности и Новому времени), еще нужно правильно понять, истолковать в духе современности, тем более что авторы книги претендуют на вхождение в философский цех.

Но это еще не все. Черняк и Роклин берут вполне определенную традицию Слова, а именно интеллектуальную, предполагающую разнообразные, в том числе философско-богословские истолкования и комментарии («еще во время становления Танаха Эзра и его слушатели не ограничивались чтением и слушанием текста, но, как сказано в кн. Нехемий, "...левиты делают учение понятным (мевиним) народу... И читали в книге учения Элохима, истолковывая (мефораш) и с разумением, и [народ] понимал в читанном" (Нех. 8:7-9)»⁷). Логика религиозного истолкования и комментирования хотя внешне сходна с философским дискурсом, вряд ли с ним совпадает. Думаю, авторы «Завета и метафизики» понимают это, но в их рассуждениях и построениях эти логики настолько близки и переплетаются, что начинаешь подозревать в отождествлении соответствующих форм мышления. Не объясняет ли это, а также следование интеллектуальной и конкретной традиции Слова сближение (если не отождествление) жизни и мысли, обычной истории и религиозной, человека как такового — с иудеем, центрального события веры — с заветом?

Каким же образом авторы «Завета и метафизики», основываясь на Танахе, истолковывают и интерпретируют европейскую историю? Вполне в духе Танаха. Завет еврейского народа с Богом был заключен, но не соблюдался, поэтому пришлось заключить Новый завет. Соответственно, поскольку европейский человек, будучи связан с Богом заветом, стал опираться сам на себя, постольку потерял себя, отпал от Господа, следовательно, для Спасения должен снова заключить с Богом завет. Вот здесь и потребовалась «мысль» как посредник, позволяющий объяснить сначала целостность процесса падения (отпадения от Бога), затем возможность спасения посредством Нового завета. Почему мысль? А потому, что Черняк и Роклин идентифицируют себя

⁶ Черняк Л., Роклин М. Завет и метафизика. Иерусалим: изд. «Маханаим», 2024. С. 428–429.

⁷ И. Вейнберг. Введение в Танах. https://jhist.org/traditions/tanah008_04.htm

с многочисленными истолкователями и интерпретаторами Танаха, обеспечивавшими много веков именно в рамках мышления поддержание и развитие традиции иудаизма.

Итак, три идеальных объекта дискурса — Бог, человек и мысль. Крутясь в логике этой троицы, Черняк и Роклин, с одной стороны, приписали Богу зависимость от человека (фигура жертвоприношения и человек как условие «Божественности Божества»⁸). С другой стороны, действия и поступки человека они обусловили не только замышлением и волей Господа, но и мыслью самого человека (человек сам себя делает). А мысли приписали сакральную составляющую, затем ее потерю, что является стимулом к возрождению. Жизнь человека завета, пишут Черняк и Роклин, «полностью отдает себе отчет, что она не есть жизнь Бога и не собирается становиться жизнью Бога... Но сию роль человек может исполнять, лишь принимая на себя ответственность за формирование своей открытости сакральным детерминациям. Это — тварная жизнь, живущая выстраиванием своей открытости повелениям Жизни Вечной. Та тварная жизнь, без сакральной смерти которой немыслима Божественность Божества. И эта тварная религиозная жизнь есть жизнь ума, для которого высшим авторитетом является он сам... Этот ум и есть третья метафизическая ипостась человека. Жизнь как ум и есть человек думающий, человек-мыслитель... В качестве обладателя этой метафизической конституции любой и каждый человек есть человек собственно, то самое существо, что оказалось затерявшимся в культуре постмодерна. И он же, этот человек собственно, есть собственно библейский человек — зародышевая плазма человечества, иудей, т. е. именно то существо, которое имел в виду Всевышний, творя Адама»⁹.

Снова вопрос. Почему мысль человека лишилась сакральной составляющей, она что, была исходно противоречивой? Но прежде по поводу жертвоприношения. Вспоминаю, старовавилонский миф об Атра-хасисе, в котором описывается собрание богов, где было решено создать человека, чтобы избавить богов от печальной необходимости трудиться ради поддержания собственного существования. В ходе исполнения принятого решения в жертву был принесен сначала Бог Ве-ил, затем люди, поскольку им после жизни была назначена смерть.

Когда боги, (как) люди,
Свершали труд, влачили бремя, —
Бремя богов великим (было),
Тяжек труд, многочисленны беды:
Семь Анууннаков великих
Труд свершать заставляли Игигов¹⁰.

Изнуренные тяжким трудом, боги Игиги взбунтовались, «в огонь орудия свои побросали» и явились толпой к воротам храма Энлиля, владыки земли. Встревоженный Энлиль призывает царя богов Ану, Энки, а также, по-видимому, Нинурту, Эннуги и богиню Нинту... В конце концов Нинту и Энки берутся создать человека, но для этого, говорит Энки,

⁸ Черняк Л., Роклин М. Завет и метафизика. Иерусалим: изд. «Маханаим», 2024. С. 450.

⁹ Там же. С. 449–450.

¹⁰ Клочков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С. 38.

нужно убить одного из богов, чтобы очистить остальных и замешать на крови убитого глину¹¹.

В собранье ответили: «Так да будет!»
Ануннаки великие, вершащие судьбы.
В день первый, седьмой и пятнадцатый
Совершил омовение (Энки).
(Бога) Ве-ила, имевшего разум,
В собранье своем они убили.

Итак, чтобы создать людей, боги убили одного из богов, одновременно человеку «смерть назначили», «удержав себе жизнь».

Я не хочу сказать, что Черняк и Роклин заимствовали идею жертвоприношения из этого мифа, но думаю, они следовали данной традиции. Подразумевали, что историю делают Бог (боги) и люди, что завершение жизни человека, его целое ограничено смертью, которую определяет Бог, что это и есть жертвоприношение как взаимное дарение. Бог дарит человеку жизнь, а человек в ответ дарит свою свободу, т. е. опять таки жизнь, которая теперь принадлежит Богу. Бог теперь не одинок и может быть Богом, поскольку есть человек, признающий свою небожественность (смерть) и провозглашающий «Божественность Божества».

Теперь, почему мысль человека лишилась сакральной составляющей? Ответ авторов такой: на рубеже модерна кардинально меняется опыт жизни человека, его ум перестает быть божественным. «У Аристотеля, — разъясняют авторы, — ум (а до него у Платона — тот же ум, но выступающий под именем мировой души) оказывается верховным божеством, душой космической жизни, а сам Космос поэтому получает статус тела этого божества. Человеческий же ум (человеческая себя мыслящая мысль) предстает при этом как подобие сего верховного божества — νοῦς' а... Ближе к концу книги мы обсуждаем начавшееся на границе Ренессанса и раннего модерна (при этом начавшееся отнюдь не без влияния библейской мысли в ее христианском переосмыслинии) радикальное преобразование конституции опыта. А это преобразование инициировало процесс изменения конституции самого ума... новый характер опыта тварного мира уже не предполагает участия Божества в конституировании этого опыта. Божество как Прообраз богоподобного человеческого ума оказывается, следовательно, не востребованным в организации этим умом своей встречи со своим миром и, соответственно, в устроении жизни человека в этом мире»¹².

Это не ответ, ведь не объяснено, почему меняется опыт жизни. Если ум человека был божественным, то с какой стати он стал меняться себе во вред? Если он и божественен, и профаный, то может ли тварный ум не подчиняться божественному? Правда, из Танаха известно, что человек периодически отпадает от веры и перестает следовать завету. Тогда все понятно, учитывая этот факт, можно утверждать, что ум человека перестал быть божественным.

И все-таки я Черняка и Роклина понимаю: мир пришел в движение, конфликты и войны, того гляди, люди доиграются до «конца света». При этом никакие разумные

¹¹ Клочков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С. 38.

¹² Черняк Л., Роклин М. Завет и метафизика. С. 14, 15.

аргументы не доходят до властей предержащих и принимающих решения. Даже катастрофы, которых уже было немало, не являются аргументом. Что же делать, как спасти мир и кто его может спасти? Бог? Нет, ведь многие люди отвернулись от него. Человек? Тем более нет. Но *вместе* они могут изменить ход бытия. Вместе, значит, необходим Новый завет, новое видение себя и Бога, в том числе и философское. Этим темам и посвящена книга «Завет и метафизика».

Я как человек и философ на сложившуюся ситуацию отвечаю иначе. Но это не означает, что «два религиозных иудея, русский философ Лион Черняк и американский ортодоксальный рабби Митчел Роклин», не могут рассказать о том, как они видят историю и спасение мира, убеждая других в правильности своего знания и предвидения.

Литература

1. Вейнберг И. Введение в Танах. https://jhist.org/traditions/tanah008_04.htm
2. Клочков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. 207 с.
3. Черняк Л., Роклин М. Завет и метафизика. Иерусалим: изд. «Маханаим», 2024. 464 с.

References

1. Veinberg I. *Vvedenie v Tanakh* [Introduction to the Tanakh]. https://jhist.org/traditions/tanah008_04.htm (In Russian.)
2. Klochkov I. *Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya* [Spiritual Culture of Babylonia: Man, Fate, Time]. Time. Moscow, 1983. 207 p. (In Russian.)
3. Chernyak L., Roklin M. *Zavet i metafizika* [Covenant and Metaphysics]. Jerusalem: Publishing House "Mahanaim", 2024. 464 p. (In Russian.)

Providential Interpretation of European History and the Call to Renew the Covenant (Comments on the Book by Lyon Cherniak and Mitchell Rocklin "Covenant and Metaphysics")

V.M. Rozin,

Doctor of Philosophy, Professor,

Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya St., 12, building 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract: The article discusses the methodology and principles that the authors used in their book. We are talking about L. Cherniak and M. Rocklin's understanding of sacred experience, European history, the reasons for the European man's falling away from the covenant and God, the reduction of history and life to the mind, and man as such to a Jew. The arguments presented by the authors are analyzed, two ways of understanding the Jewish worldview are distinguished (in one case as the foundations of the general Abrahamic religion, in the other, realized in the book "Covenant and Metaphysics", as following a specific Word described in the Tanakh). In addition, Chernyak and Roklin reflect in line with a very specific tradition of the Word, namely, the intellectual one, which presupposes various, including philosophical and theological, interpretations and commentaries. Both the contradictions and problems that arise when reading and understanding "Covenant and Metaphysics" and the complex existential situation of our time, which forces us to look for a solution to the problems under consideration, are analyzed.

Keywords: mind, God, man, interpretation, understanding, problems, history